

A movie poster featuring a woman with long blonde hair and blue eyes in a black top on the left, and a man with brown hair wearing sunglasses and a blue suit on the right. The background is a city skyline with the Empire State Building prominent, and a bright meteor streaks across the blue sky in the upper left.

Ника Росс

ВСПЫШКА НАД МАНХЭТТЕНОМ

Ника Росс

Вспышка над Манхэттеном

<https://litres.ru/73965533>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я приехала в Нью-Йорк не за тем, чтобы покорять мир или блистать на подиумах. После бразильского хаоса мне нужна была лишь самая обычная, предсказуемая работа, чтобы заземлиться в жестком ритме мегаполиса. И железное правило: больше ни перед кем не прогибаться.

Но кованая дверь уединенного лофта на Манхэттене привела меня в самое сердце чужой закрытой империи. Здесь не смотрят на вывески. Здесь сканируют душу.

Алекс — искушенный Нью-Йоркский лев, привыкший к безупречным лицам топ-моделей. Я — аналитик с жестким внутренним стержнем, скрывающая под слоем тонального крема изматывающие комплексы и страхи. Между нами нет места банальной романтике, но в секунду, когда наши взгляды встретились, невидимый контракт был подписан. Он проигнорировал мои несовершенства. Ему нужен был мой огонь.

Это история интеллектуальной дуэли, где ментальная связь опаснее физической близости. Смогу ли я удержать эту планку и выстоять в игре, где ставки — моя собственная независимость?

Содержание

Глава 1. Интервью в Сохо	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ника Росс

Вспышка над Манхэттеном

Глава 1. Интервью в Сохо

«Последний рейс из Рио»

Нью-Йорк никогда не был моей конечной целью. Я оказалась здесь потому, что мой привычный мир в Южной Америке разлетелся на куски под грохот настоящей революции.

В общей сложности я прожила в Бразилии около трех лет. Рио-де-Жанейро был моей личной вселенной: соленая вода Атлантики, раскаленный песок Ипанемы, вечное солнце и бесконечная работа. К тому моменту я крутилась как белка в колесе и бралась за самые разные проекты: работала оператором, снимала масштабные промо-ролики для люксовых отелей, монтировала видео, фотографировала яркие бразильские свадьбы. Я горела делом, ловила кайф от результатов и чувствовала, что у меня получается абсолютно всё.

Бразилия дала мне этот дикий, первобытный огонь внутри, но она же наградила меня первыми жесткими комплексами. Из-за вечной тропической жары, сумасшедшей влажности и уличной пыли моя кожа устроила настоящий бунт. Лицо покрылось высыпаниями, и под плотным слоем тональ-

ного крема я прятала изматывающую неуверенность в себе. Спасали только верные очки-авиаторы, которые я почти не снимала, и камера, в которую я уходила с головой.

В то последнее бразильское лето я решила сделать перерыв. Я улетела в долгожданный отпуск на Канарские острова. Тенерифе встретил меня прохладным океанским бризом. Там, на испанском побережье, я наконец-то встретилась со своей семьей. Это были две недели абсолютного, звенящего счастья: мы много гуляли, болтали, дышали воздухом свободы. Я до сих пор помню это ощущение тепла и покоя.

А потом я взяла билет обратно в Рио. И это был самый странный, пророческий рейс в моей жизни.

Стоило моему самолету коснуться посадочной полосы в Бразилии, как реальность сошла с ума. В стране вспыхнула революция — та самая «Бразильская весна», о которой потом трубили все мировые СМИ. Миллионные толпы вышли на улицы Рио, требуя импичмента президента. Город, который еще вчера танцевал самбу, в одночасье перекрыли блок-постами. Вспыхнули жесткие столкновения, полиция пустила слезоточивый газ, аэропорты закрылись. Мой рейс оказался буквально последним, который успел приземлиться до того, как небо над страной полностью заблокировали.

Я застряла в Рио еще на три месяца, и это было шокирующее, страшное время. Роскошный, бурлящий курорт вымер за считанные дни. Наступила пугающая, звенящая пустота. Туристы в панике эвакуировались, новые рейсы отменили,

отели закрылись. Я ходила по некогда забитым набережным Копакабаны и не узнавала их — пустые улицы, пустые пляжи, закрытые витрины. Мой бизнес рухнул в один миг: реклама отелей больше никому не была нужна, свадьбы отменились.

Эта внезапная изоляция накрыла меня лавиной липкого страха. Накатывало жуткое, грызущее чувство незащищенности: ты одна на другом конце планеты, вокруг чужой язык, военные патрули и полная неизвестность, а заработать здесь больше невозможно. Именно в те серые бразильские вечера я остро поняла: нужно срочно спастись и возвращаться домой.

Когда небо наконец-то открыли, я улетала с четким ощущением точки невозврата. Старый мир бразильского курорта сгорел. Я возвращалась в свой родной Нью-Йорк.

Я родилась и выросла здесь, на далекой окраине, на самом Юго-Западе Бруклина. Пафосный, сверкающий центр Манхэттена всегда казался другим миром, но я никогда не была робкой девчонкой. Я с детства любила выделяться и в душе всегда была бунтаркой. С тринадцати до семнадцати лет я отучилась в модельной школе, досконально узнав изнанку этой индустрии, но подиумной куклой не стала.

Я хотела большего. Я сама, до последнего цента, оплачивала свое обучение в самом пафосном и дорогом частном университете города — том самом, где под ногами лежали красные ковровые дорожки, а в холлах стояли роскошные

кожаные диваны. Днем я впахивала официанткой в шумных нью-йоркских заведениях, сбивая ноги в кровь, а по вечерам бежала на лекции. Я видела этот шик изнутри, я заработала его своим трудом, но сама всегда оставалась простой — ценила искренность, человеческое тепло и не выносила заносчивости и фальши.

После Бразилии я выложила свое обновленное резюме в сеть, просто чтобы вернуться в привычный некогда ритм жизни большого города.

Мое резюме было максимально честным. Я выложила факты как есть: диплом психолога, опыт в ресторанном бизнесе Манхэттена и съемки в Рио-де-Жанейро. Но в графе «Желаемая позиция» стояло сухое: *Executive Assistant*. Я искала самую обычную офисную работу, понятную пятидневку. Мне просто нужно было вернуть контроль над жизнью и войти в жесткий ритм мегаполиса.

Я даже подумать не могла, что это приведет меня в индустрию, о которой я тайно мечтала в юности. Мода, кастинги, глянцево-кампейны — тогда это казалось другой, недостижимой планетой.

Резюме провисело на сайте всего пару дней. А на третий раздался звонок. На экране высветился незнакомый номер, а в трубке раздался тактичный, но властный голос. Меня пригласили на встречу в Сохо — в самое сердце этого глянцевого, за пределами дорогого центра. Будущий босс еще не знал, что зовёт к себе девушку, которая носит кеды Converse, зна-

ет изнанку подиума, умеет тяжело работать и сохранила самое редкое качество в этом городе — способность быть настоящей.

«Интервью в Сохо»

Центр Нью-Йорка встретил обманчивым апрельским солнцем. После трех лет бесконечного лета, раскаленного песка и съемок туристов на пляжах Копакабаны этот город казался декорацией к культовому фильму. Крис шла по мощеным улицам Сохо, кутаясь в легкий плащ, и не могла оторвать глаз от кирпичных фасадов, пожарных лестниц и стильных прохожих.

В кармане лежал телефон с адресом. Я не горела идеей покорить мир или построить грандиозную карьеру — мне была нужна самая обычная, предсказуемая офисная работа, чтобы просто заземлиться в жестком рабочем ритме мегаполиса после бразильского хаоса. Но у меня было одно железное правило: я ни перед кем не собиралась прогибаться.

Нужный адрес привел к тяжелой кованой двери на уровне земли. На ней не было вывесок — только строгий номер дома. Я толкнула её и спустилась на несколько ступеней вниз.

Небольшая лестница вела в отдельное помещение в стиле лофт. Здесь пахло деревом, старым кирпичом и хорошим кофе. Этот тихий кабинет-закуток был полностью скрыт от остального офиса. Своего рода шлюз для чужаков. Я не видела ни журналов, ни кампейнов, ни намека на индустрию моды. Настоящая суть этого места была надежно запрятана

за стенами. Тому, кто всем здесь правил, нужно было сначала понять, что перед ним за человек, прежде чем впускать меня в самое сердце своей империи.

— Присаживайтесь, Крис, — его голос был тихим, тактичным, но в нем чувствовался металл. — Я Алекс.

Он протянул руку для короткого, крепкого рукопожатия, а затем взял со стола мое честное распечатанное резюме и погрузился в чтение. В кабинете воцарилась плотная, рабочая тишина.

Я села напротив и замерла в ожидании. Пользуясь этой паузой, я принялась молча изучать человека напротив.

Мой взгляд фотографа автоматически фиксировал детали, выстраивая кадр. Алекс сидел в полумраке, его силуэт мягко подсвечивал экран компьютера. Идеально накрахмаленная, безусловно белая рубашка контрастировала со старым кирпичом стен. На запястье тускло поблескивали дорогие тяжелые часы, ловящие блик от настольной лампы. Каждое его движение было выверенным и скупым. Настоящий Лев в своей закрытой от мира пещере.

Я осторожно окинула взглядом этот небольшой кабинет, пытаясь уловить хоть какие-то зацепки, но интерьер оставался строго лаконичным. Был только этот мужчина, транслирующий абсолютную уверенность на своей территории.

Алекс наконец оторвал взгляд от бумаги. Он не стал разыгрывать долгую корпоративную комедию, откинулся на спинку кресла и коротко, спокойно произнес:

— В общем, Крис, у нас тут модельное агентство. На рынке уже семь лет.

Он сказал это так буднично, словно речь шла о поставках кирпича, а не о мире глянца. Внутри меня всё перевернулось — мечта моей юности, о которой я когда-то тайно грезила на окраине Бруклина, оказалась прямо здесь, за стенами этого изолированного лофта. Но внешне я не подала виду, сохранив абсолютное спокойствие.

Алекс тем временем продолжал, изучающе глядя на меня:

— Бизнес специфический, жесткий. Расскажите, чем вы занимались раньше и есть ли у вас вообще понимание, как устроена эта сфера? Знаете, как функционируют агентства изнутри?

Я удерживала его прямой взгляд. В своей профессиональной силе как психолога и аналитика я не сомневалась ни секунды. Страх отступил, уступив место жесткой внутренней опоре. Я пришла сюда работать, а не тушеваться перед красивыми вывесками.

— Изнутри — нет, — честно и спокойно ответила Крис. — Но как фотограф я три года видела этот бизнес с изнанки, через объектив камеры. Я знаю, как продавать эмоции и как устроен кадр. А диплом психолога помогает мне понимать, что движет людьми.

Алекс проницательно изучал её лицо.

— У нас здесь зарабатывают большие деньги, Крис. Но и спрос соответствующий. Я готов предложить вам стартовую

позицию координатора. Скажем, две тысячи долларов

Голос его оставался ровным, а упоминание колоссальных бюджетов прозвучало просто как привычный симптом его повседневного состояния.

Я едва заметно улыбнулась.

— Знаете, Алекс, — ответила я спокойно, поправив выбившуюся светлую прядь — Прямо сейчас я трачу двадцать минут в день, удаленно ведя контент для бразильских проектов, и получаю тысячу, практически не вставая с кровати.

Мой наглый, уверенный ответ явно не вязался с поведением обычных соискателей. Но я не пыталась набивать себе цену, а просто была честна.

В кабинете повисла секундная тишина. Он удивленно вскинул брови. Я сидела перед ним — загорелая, всё еще тайно сомневающаяся в своей внешности, но абсолютно непошибаемая в своем достоинстве. Его взгляд потеплел, и в глубине зрачков я увидела тот самый азарт хищника, который встретил достойного соперника.

— Хорошо, — на его губах появилась едва заметная, хитрая улыбка Льва. — Четыре тысячи. Но если Вы поднимете показатели отдела и дела пойдут вверх — вы будете получать процент от общей прибыли агентства. По рукам?

Я посмотрела на его часы, затем прямо в его глаза и кивнула. В эту секунду невидимый контракт между нами был подписан. Контракт, который свяжет нас на долгие годы.

Тогда мне одновременно хотелось провалиться сквозь

землю и взлететь. Мало кто знал, чего мне стоил этот уверенный, дерзкий взгляд. В тот период меня атаковали жуткие, изматывающие проблемы с кожей, и каждая поездка в метро превращалась в молчаливую битву с собственными комплексами. Я часами разглядывала себя в зеркале, чувствуя себя бесконечно далекой от идеальных стандартов индустрии, в которую пыталась войти. Назвать себя безупречной красавицей в тот день я точно не могла.

Но парадокс был в том, что глубоко внутри, под слоем тонального крема и страхов, жила моя непоколебимая внутренняя опора. Мой внутренний стержень, который я привезла со съемок из Бразилии, невозможно было замазать или спрятать. Я была чертовски живой. Настоящей. Наэлектризованной.

И Алекс, этот искушенный Нью-Йоркский лев, привыкший к вылизанным до безупречности лицам топ-моделей, отсканировал именно это. Он проигнорировал внешние несовершенства. Он смотрел в самую суть — туда, где бушевала стихия. Ему нужна была не идеальная картинка, ему нужен был мой огонь.

«В режиме невидимки»

В мой первый рабочий день Алекс посадил меня в том же самом небольшом кабинете, где проходило собеседование. Передо мной стоял компьютер, чистый ежедневник и чашка остывающего кофе. Задача была простой и одновременно неподъемной — вникнуть в суть.

Следующие пять рабочих дней я превратилась в невидимку. Включив всё свое психологическое чутье, я молча сканировала эту компанию изнутри. Я часами изучала портфолио моделей, анализировала их параметры, их прошлые съемки и пыталась понять: что именно мешает этим красивым людям приносить агентству реальные контракты? Параллельно я, как скрытая камера, наблюдала за персоналом. Слушала, как букеры разговаривают с клиентами, где они их ищут, какую рекламу запускают и как скауты ведут отбор на улицах Манхэттена.

Я не лезла с советами. Я просто сидела и яростно делала пометки в своем ежедневнике.

Алекс периодически бесшумно заходил в кабинет. Он останавливался у моего стола, засунув руки в карманы брюк, и небрежно спрашивал: «Ну что, Крис, как успехи?». Босс явно пытался прощупать мою уверенность. Я спокойно поднимала на него глаза и четко, по пунктам, раскладывала свои выводы: «Вот здесь у нас провал в логистике, здесь букеры не дожимают клиентов, а вот этот типаж продвигается совершенно неверно». Он слушал, едва заметно кивал и уходил, унося с собой шлейф дорогого парфюма и скрытого удивления.

Экзамен наступил в пятницу, в конце пятого рабочего дня.

Алекс зашел в кабинет, ведя за собой Марту. Его тон был подчеркнута спокойным и будничным:

— Крис, это Марта, одна из наших моделей. Пообщайтесь, познакомьтесь, — он бросил на меня быстрый, изучающий взгляд и закрыл за собой дверь, оставив нас наедине. Никаких подсказок или предупреждений. Король просто бросил меня в клетку к своей самой сложной тигрице.

Марта вела себя вызывающе. Она по-хозяйски рухнула в кресло напротив моего стола, развалилась, закинув ногу на ногу, и демонстративно уставилась на меня. В её глазах читался откровенный вызов. Она явно ждала, что сейчас начнется классическая офисная порка: её станут гнобить за провалы, читать нотации и требовать невозможного. К такой войне она была готова — в агентстве она славилась тем, что никого не ставила в грош, могла жестко нахамить любому букеру и всегда держала глухую оборону.

Но я не собиралась воевать. Подсознательно я уже включила свой диплом психолога. До этого я внимательно изучила её кейс, поэтому просто отложила ручку и заговорила с ней — спокойно, по-человечески, без фальшивого пафоса. Мне действительно было искренне интересно узнать, что прячется за этим колючим фасадом.

Моя простота полностью обезоружила Марту. Когда ты ждешь удара, а тебя встречают теплом, твоя броня трещит по швам. Не знаю, какие именно интуитивные уловки я применила в те 15 минут, но Марта расслабилась. И сама, отвечая на мои простые вопросы, вывалила всю суть своей проблемы. Она выложила мне то, в чем никогда не призналась

бы Алексу:

— Слушай, Крис, я просто ленивая, — фыркнула она, закатив глаза. — Мне не нужны ваши миллионные контракты. Мне вообще ничего не хочется делать. Мне кайфово получать свой гарантированный минимум, и большего мне просто не надо. На самом деле я вот этого дико боюсь, а вот это мне просто неинтересно...

Она говорила, а я молча фиксировала каждое слово. Противник сдался без единого выстрела просто потому, что его выслушали.

Через полчаса дверь открылась, и в кабинет вернулся Алекс. Марта уже ушла. Он уверенно шагнул вперед и опустился прямо в то же самое кожаное кресло напротив меня, где только что сидела она. В то единственное кресло для гостей, воздух вокруг которого еще хранил шлейф чужих капризов и тайн.

Алекс откинулся на спинку, скрестил руки на груди и посмотрел на меня своим фирменным, пронзительным взглядом:

— Ну что, Крис? Что ты мне скажешь про нашу Марту? Какой твой вердикт?

Я подняла на него глаза, сохраняя абсолютное спокойствие, и выдала ему сухой, четкий отчет, состоящий исключительно из прямых цитат самой модели. Я не придумала от себя ни одного слова, не добавила никаких эмоций или личных оценок. Я просто вернула ему истинную правду о чело-

веке, произнесенную им самим: Марта ленива, амбиций нет, её устраивает минимум, и она панически боится определенных задач.

На секунду в кабинете воцарилась абсолютная, звенящая тишина.

Я увидела, как у Алекса буквально округлились глаза. Его хваленый львиный контроль на миг дал сбой — он смотрел на меня в настоящем, нескрываемом шоке. Он слишком хорошо знал, насколько Марта токсична и непробиваема для остального персонала. То, как филигранно, быстро и безжалостно я вскрыла этот нарыв за одну короткую беседу, стало для него ошеломляющим ударом. В этот самый момент в его глазах вспыхнуло то, чего я так долго ждала — абсолютное, безоговорочное доверие к моему профессионализму. Этот Лев понял: я смогу управлять всем его прайдом. Ловушка захлопнулась...

Мой первый изолированный кабинет, где я провела стартовые пять дней с ежедневником, оказался всего лишь психологическим карантинном. Алекс намеренно держал меня в этом «предбаннике», не подпуская к сердцу своей компании. Ему нужно было лично убедиться, из какого теста я слеплена, смогу ли я выдержать нагрузку и не сломаю ли зубы о первую же проблему.

Экзамен с Мартой стер эти невидимые границы.

В пятницу вечером, уходя из кабинета, Алекс остановился в дверях, накинул пальто и, не оборачиваясь, тактично, но

твердо бросил:

— С понедельника, Крис, ты переезжаешь в центральный офис. Будешь работать со мной и администраторами. Пора вникать в настоящие процессы.

В понедельник утром я впервые переступила порог святого святых агентства. Это было огромное рабочее пространство в самом центре первого этажа. Стратегический командный пункт Алекса. Отсюда, как на ладони, просматривался весь холдинг: было четко видно, кто приходит, кто уходит и кто чем занят.

В центре стояли два массивных стола, соединенных ломаной буквой «Г» — за ними сидел сам Boss и его технические администраторы. Чуть поодаль располагалась зона отдыха с мягкими глубокими диванами, где модели дожидались кастингов. Но больше всего меня зацепили стены. Они были буквально завешены историей его успеха: престижные международные награды в рамках, глянцевые дипломы и десятки экзотических сувениров, привезенных Алексом из его многочисленных путешествий по всему миру. Настоящие трофеи Короля, которыми он метил свою территорию.

Я подошла к своему новому рабочему месту прямо в этом общем кругу, чувствуя, как взгляды сисадминов и букеров сканируют меня с головы до ног. Но страха не было. Я заняла свой стул с полным, абсолютным правом Хозяйки этого подиума. Я выдержала карантин. Теперь я сидела в одном ряду с Боссом и была готова увидеть всю его империю без

прикрас.

Нас было трое в этом пространстве. Алекс занимал длинную, главную линию стола в гордом одиночестве — к его рабочему месту никто не смел приближаться. Я сидела на короткой стороне угла, прямо рядом со старшим администратором. Мы с Алексом находились совсем рядом, угол в угол, разделенные лишь невидимым изломом дерева. Я видела его профиль, слышала его дыхание, но между нами сохранялась четкая профессиональная дистанция.

Мой день начинался ровно в десять утра. Я нажимала кнопку запуска компьютера, брала в руки чашку кофе и погружалась в изнанку империи. Пока Манхэттен за окнами только просыпался, я препарировала отчеты за прошедшие сутки: изучала новые задания, читала отзывы клиентов, анализировала, как прошли ночные съемки и как отработали букеры.

Штат был огромным — около тридцати моделей, десять букеров и двадцать уличных скаутов. И я быстро поняла: чтобы перестроить эту махину, мне мало сухих цифр в мониторе. Мне нужны были живые люди.

Весь свой первый месяц, работая за скромный фиксированный оклад, я посвятила глобальной психологической разведке. Я не спешила с громкими заявлениями и не швыряла Алексу на стол готовые планы. Вместо этого я пошла в личное, глубокое общение с каждым сотрудником системы.

Я начала с самых низов — со скаутов, которые прочесывали улицы. Затем переключилась на начинающих моделей, которые только-только делали первые шаги на подиуме и проходили через мой стол. Шаг за шагом, день за днем я потихоньку приближалась к тем, кто работал в агентстве уже давно, прощупывая структуру изнутри (до общения с главными топ-моделями время еще не пришло). Если скауты или букеры работали удаленно, я часами висела на телефоне или вела бесконечные переписки в мессенджерах. Я представлялась, спокойно объясняла, что теперь координирую процессы, но вместо сухого контроля я включала свою фирменную простоту и диплом психолога.

Я искренне разговаривала с ними. Узнавала их скрытые проблемы, их страхи, их личные пожелания и то, чего им на самом деле хочется. Букеры и модели, привыкшие к жесткому прессингу индустрии, раскрывались предо мной один за другим.

Целый месяц я работала как невидимый архитектор — анализировала компанию, сканировала людей, собирала по крупицам истинную психологическую карту этого бизнеса. Я раскладывала в своем ежедневнике, кто из скаутов не видит и не чувствует своих моделей, кого из девочек нужно переводить на коммерческие кампейны, а кого — отправлять на массовые каталоги. Boss сидел на своем краю стола, погруженный в свои дела, и краем глаза наблюдал за этой моей мягкой, но тотальной экспансией. Он видел, как весь его

огромный прайд за один месяц добровольно и без единого выстрела перешел под мой невидимый контроль. Алекс понимал, что первый месяц вникания подошел к концу, и правила игры в его офисе Сохо вот-вот изменятся навсегда

В конце четвертой недели нас ждал большой, итоговый срез. Мы долго сидели за столом нашей общей ломаной буквы «Г». Босс дотошно проговаривал со мной каждую цифру, каждый контракт и показатель. Он не просто сверял дебет с кредитом — он внимательно слушал мои комментарии. Лев шаг за шагом узнавал, что именно я выяснила у людей за эти тридцать дней, какие скрытые мотивы нащупала и что думаю о каждом сотруднике холдинга.

Прямо там, в офисе, Алекс внимательно выслушал мои выводы и спросил, какие решения я вижу. Я спокойно изложила ему свой план по пересборке пар «букер-модель» и тактике распределения сил.

— Хорошо, Крис. Давай, действуй, — тактично, но твердо произнес босс.

«Негласная точка отсчета»

Он дал мне полное добро, и со следующего понедельника я начала самостоятельно внедрять новую структуру. Я действовала как тонкий дипломат — постепенно, пошагово. Обсуждала идеи со скаутами, разговаривала с моделями, объясняла, кому и почему лучше уйти в каталожные съемки, а кому — в концептуальные кампании. Люди, чувствуя мою ис-

кренность, шли за мной сами. Схемы заработали, хаос исчез, а показатели прибыли медленно, но верно поползли вверх.

Прошел еще целый месяц моей плотной, ежедневной работы под этой новой тактике. Это было время детальной притирки и планомерного выстраивания связей. Маленькие, но уверенные результаты начали проявляться во всех отчетах: показатели росли, хаос исчезал, система стабилизировалась.

И вот только тогда, спустя еще тридцать дней осязаемого успеха, Алекс неожиданно нарушил привычный офисный протокол.

— Крис, давай прервемся. Пойдем пообедаем, — спокойно сказал он.

Мы сели у окна в небольшом уютном кафе за углом нашего офиса в Сохо. Вокруг шумел Манхэттен, а внутри, за маленьким столиком, звенящая тишина между мной и боссом казалась почти осязаемой. Это был наш первый выход на нейтральную территорию после двух месяцев моей непрерывной, жесткой работы в центральном зале. Полномочия на управление новичками у меня уже были, но здесь Алекс явно планировал прощупать мой истинный масштаб и поговорить о топ-моделях.

Официант положил перед нами меню, и в эту секунду наше подсознание выдало безупречный манифест нашей противоположности.

Алекс сделал заказ мгновенно: чистая вода и легкий зеленый салат. В этом был весь он — Лев, транслирующий аб-

солютный, почти спартаанский самоконтроль, жесткую дисциплину и выверенность каждого шага. Мужчина, который спал по пять часов в сутки и держал в узде весь офис, оставался верен своей стерильной структуре даже за обедом.

Я посмотрела на строгий выбор босса, и внутри меня поднялась волна дикого, глубинного волнения. Сердце застучало быстрее. Мне нужно было заземлиться, и я, повинувшись чистому импульсу, заказала горячий чай и большое сладкое пирожное.

Это выглядело абсолютно «неправильно» для делового обеда в фэшн-индустрии, где все поголовно сидели на диетах и высчитывали калории. Мой заказ подчеркнул нашу полярность с такой силой, что воздух между нами заискрился. Я просто захотела сладкого от стресса и съела его, отказавшись играть в офисную безупречность.

Алекс посмотрел на мое пирожное странным, долгим, изучающим взглядом. Его маска идеального руководителя на долю секунды дрогнула — в его глазах читалось искреннее, удивленное недоумение. Он привык, что женщины в его окружении ломают себя, заказывая шпинат, лишь бы соответствовать стандартам глянца. Но сейчас перед ним сидела загорелая бунтарка Крис Майер, которая плевала на условности. Алекс, конечно же, проявил свою фирменную тактичность, промолчал и ничего не сказал, но на его губах появилась та самая едва заметная, хитрая львиная улыбка. Моя простота снова обезоружила его контроль.

Он сделал глоток воды, мягко откинулся на спинку стула и, глядя мне прямо в глаза, перевел разговор на высшую лигу:

— Ну что, Крис. Давай поговорим про наш высший эшелон. Что ты думаешь о работе с нашими топ-моделями? Какие у тебя идеи?

Я сделала глоток горячего чая, чувствуя, как волнение отступает, уступая место холодному азарту, и начала раскладывать боссу стратегию для его главных звезд.

Тогда, доедая свое пирожное под его тактичным и внимательным взглядом, я еще не понимала, какую опасную игру затеяла. В его глазах, обычно холодных и закрытых, мелькнуло что-то новое. Моя живая, импульсивная правильность на мгновение взломала его жесткий спартанский контроль. Привычная офисная броня дала трещину, и Алекс тут же отпрянул, поспешно прячась обратно в свой стеклянный замок. Этот единственный час в Сохо, пахнувший чаем, мятой и моим сладким бунтом, стал нашей негласной точкой отсчета...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.